

Телефонный звонок оторвал Михаила от шахмат. Анатолий Никитич, бывший секретарь обкома партии, а ныне персональный пенсионер и младший научный сотрудник НИИ, был сильным противником, и сегодня — в кои-то веки — счастье оказалось не на его стороне. До конца обеденного перерыва оставалось ещё четверть часа, но Михаил смахнул фигуры с доски и коротко отрубил: «Сдаюсь». У них с женой — а позвонить могла только супруга — была давняя договорённость: не беспокоить друг друга в обед. И звонок означал, что произошло что-то важное. Выслушав несколько фраз, он аккуратно положил трубку и обронил: «Мне надо уйти». Начальник также односложно спросил: «Тёща?» И не дождавшись ответа, добавил: «Все мы смертны. Не переживай сильно». Это была шутка. Все знали, что о здоровье тещи Михаил никогда не переживал, а только удивлялся, как она дожила до столь преклонных лет, и даже несколько по-настоящему тяжёлых болезней, от которых погибали молодые и здоровые, в своём возрасте перенесла удивительно легко. Всю дорогу до-

мой — ехать на метро приходилось через всю Москву — мужчина представлял, какие перестановки он сделает в их маленькой квартире, что выкинет и что купит нового. И тут же возникла мысль о ремонте, который давно требовался. Откуда взять на него деньги? «Интересно, останется что-нибудь после похорон, — думал он. — Жена явственно не поскупится на памятник». А в голове вертелась одна и та же неведомо откуда взявшаяся фраза: «Отольются кошке мышкыны слёзки». Мелкий и жёсткий ноябрьский снег сёк лицо. По привычке Михаил долго отряхивался от него в подъезде — теща не любила, когда он заносил в квартиру слякоть, и всякий раз выговаривала ему. И также по обыкновению он долго вытирал ноги о коврик перед входной дверью. Свет в большой комнате не горел, и женщина, лежавшая на кровати, в первую минуту показалась неживой. Но потом она слабо шевельнула рукой и попыталась что-то сказать. Впрочем, внимание мужчины переключилось на вешалку в прихожей, где обычно висела его одежда. Стандартная квартира в современном многоэтажном доме была исключительно не-

удобной. Зимой в ней все дрожали от холода, летом задыхались от духоты. Одна комната, где жила тётца, была несоразмерно громадной, другая, в которой теснились Михаил с женой и дочерью, предельно мала. В крохотную кухню не вмещался никакой гарнитур. Но более всего вызывала раздражение маленькая прихожая с огромным зеркалом и встроенным шкафом. С большим трудом удалось втиснуть в угол за дверью крохотную вешалку на два крючка. Места, естественно, достались тётце и жене. Михаил вынужден был складывать свою уличную одежду на стуле при входе или относить в комнату. Тогда тётца, увидев, что зять расстроился, ехидно произнесла:

— Извини, не заработал ещё.

Молодой человек молча проглотил оскорбление и подумал только, какая всё-таки язва мать его супруги. Он не втянулся в домашний скандал, но внимательно изучил все стены передней, в отсутствие родных даже измерил их и нашёл желаемое место. Потом подкопил денег — ради этого пришлось несколько раз остаться без обеда — и купил узкую симпатичную вешалку, которая могла поместиться там, где он решил. Покупка до поры до времени покоилась на шкафу, подальше от посторонних глаз, а Михаил одолжил у приятеля дрель с перфоратором и — опять-таки в отсутствие семейных — просверлил отверстия для дюбелей. Сверло с трудом грызло стену, то и дело упиралось в кусочки гранита и уходило вбок. Одно сверло сломалось, и Михаил с трудом извлёк его.

Но настойчивость привела к должному результату, и к приходу тётчи в прихожей красовался тремпель — такое название было написано на коробке с изделием — с двумя крючками для одежды и двумя рогами для головных уборов, стилизованными под олени. Это было особенно удобно в межсезонье, когда лёгкая одежда то теснила тёплую, то уступала свои позиции. И для каждой вещи требовалось своё место. Вернувшись, тётца при виде нового предмета обстановки только выдохнула от изумления и попыталась повесить на неё своё пальто.

— Ваше место за дверью, Клеопатра Ивановна, — строго заметил Михаил и убрал одежду.

Даже имя у тётчи было исключительно дурацким. И после этого всегда тщательно следил, чтобы его вешалку никто не занимал. Исключение делалось только для дочери. Тётца долго и безуспешно, с руганью и скандалами, пыталась захватить новое место в прихожей, а когда это не удалось, обиделась до глубины души. И при первом удобном случае рассказала подругам, какой у неё зять эгоист. Те радостно подхихикнули в ответ:

— У Мишки рога появились.

— Ему не привыкать, — не громко, но так, чтобы зять услышал, засмеялась Клеопатра Ивановна. Михаил хорошо понял, что имела в виду тётца.

Краска залила его лицо, и от гнева он сжал кулаки. Но пересилил себя и промолчал. Вот и сейчас он молча сгрёб тётчину одежду в охапку и перевесил её за дверь.

— Зачем ты так? Мама будет очень переживать, — жена появилась неожиданно из другой такой же тёмной комнаты.

— Пускай лучше о вечном думает, — ответил Михаил. И добавил: — Что-нибудь поесть найдётся?

Сегодня со всеми хлопотами он не успел пообедать. На ужин досталась тарелка винегрета с постным маслом и чёрным хлебом. Последние месяцы, после того как тёща серьёзно разболелась, жена зачастила в церковь, и теперь по средам и пятницам на стол подавались исключительно нескоромные блюда.

— Вечером рыбку поджарю, — виновато произнесла она.

Жена торопливо одевалась. Она спешила в банк, пока тот не закрылся, снять наличные по доверенности. Деньги могли понадобиться со дня на день.

— Бери побольше, — произнёс Михаил с набитым ртом. — Неизвестно, какие будут расходы.

— Мама просила всё не брать. Оставить на будущее.

— Какое у неё будущее, — Михаил чуть не подавился от негодования. Впрочем, Наташа сама поняла бессмысленность сказанного и замолчала. Когда жена ушла, Михаил прилёг отдохнуть. В тесной как гроб комнате с трудом помещались диванчик, на котором они с супругой спали вдвоём, кровать дочери, массивный гардероб и крошечный столик со старинной бронзовой лампой, увенчанной оранжевым матерчатым абажуром. Полки на стене были забиты книгами, и Михаил не

раз с ужасом думал, что случится, если они не выдержат собственной тяжести и рухнут. За столиком было неудобно сидеть, и всякий раз, когда Михаилу надо было написать статью или поработать над текстом диссертации, он предпочитал расположиться на кухне, несмотря на ругань тёщи, которой он там вечно мешал. Мужчина с наслаждением вытянулся на диване. Ноги упёрлись в подлокотник, для длинной кровати в комнате не было места. «Надо будет в первую очередь купить хорошую кровать, а эту оставить Сашке. Лишь бы денег хватило». Перед глазами, как у заправского дизайнера, проходили различные варианты новой планировки большой комнаты. Михаил представил, что Наташа теперь сможет спокойно родить ребёнка или даже двух — тёща была категорически против, и всякий раз жена, возвращаясь из больницы, со слезами на глазах повторяла: «Нам же жить негде». И это была правда. Все двенадцать лет семейной жизни ему без конца в глаза и за глаза напоминали, что в этом доме он чужой, нежеланный гость. В тесной квартире родителей его тоже не ждали. А денег на собственное жильё, Михаил хорошо это понимал, он не сможет заработать за всю свою жизнь. И тут же мужчина понял, как он устал за последнее время, и что поздний ребёнок уже не принесёт никакой радости. Да и возраст Наташи был близок к сорока — она была на несколько лет старше мужа. В такие годы люди, скорее, ждут внуков, чем думают о новых детях. Дочери

дома не было. Она после школы позвонила матери, что боится покойников, и поехала ночевать к другой бабушке. Вернулась Наташа. Денег дали совсем мало, сославшись, что в кассе они уже кончились, и вдобавок обхамили вопросом: «А вообще, зачем вам столько нужно?» Жена заказала нужную сумму на другой день. Но удастся ли получить её? Хотелось спать, но как только набегала лёгкая дремота, в голове всплывали и провёртывались большие и малые пакости, услышанные за долгую семейную жизнь от тёщи. Как будто всё это было вчера. Сквозь сон Михаил слышал, как шкворчит на сковородке рыба, как что-то неразборчиво крикнула дочери тёща и как Наташа побежала к ней. «Кончается», — пронеслась в голове мысль. Но сил встать не было, и Михаил провалился в глубокий сон.

II

Молодой священник служил медленно, с чувством и расстановкой. Было видно, что отпевания для него ещё не успели стать обыденным делом. Михаил без сил опустился на скамейку в конце храма. В первые минуты после кончины Клеопатры Ивановны он думал, что все трудности остались позади, но оказалось, что это только начало хождений по мукам. Не успели двое дюжих санитаров, распространяя удушливый запах алкоголя и табака, оттащить бесформенный куль, завёрнутый в простыню, на улицу в санитарную машину, а Михаил с женой и похоронным агентом уже обсуждали ре-

алии отшествия тёщи в последний путь вся земля. Наташа была в таком состоянии, что не могла контролировать траты и во всём соглашалась с агентом, которая, в свою очередь, думала только об одном — как побольше вытянуть денег. И как часто бывает в подобных случаях, жене казалось, что если она закажет что-то побогаче и подороже, то это принесёт какую-то пользу покойной. Михаил спокойно, но строго обрывал все её фантазии. Гроб — самый дешёвый, венок — один, отпевание — самое простое... И всякий раз, когда жена или агент пытались возразить, повторял одну и ту же фразу: «Усопшей этим не поможешь». Потом была длительная и утомительная поездка на загородное кладбище, километрах в тридцати от столицы. Увидев глинистую равнину, запорошённую снегом, Наташа снова заплакала. И даже Михаил почувствовал себя неуютно, настолько там всё было голо и сиро. Бывшую свалку ещё не успели облагородить, хотя бы огородить забором, вся администрация вместе со сторожами помещалась в деревянном вагончике, зато успели воздвигнуть массивные железные ворота. Но этот погост оказался единственным подходящим по деньгам. Впрочем, Михаила удалённость того от Москвы не смущала.

— Реже ездить будет, — подумал он про жену.

Вечером, после похода по магазинам за продуктами к поминальному обеду, Михаил подвёл итоги. Денег оставалось только расплатить-

ся с водителем, могильщиками и священником. О ремонте квартиры можно было забыть. Мужчина подзревал, вернее, был уверен: значительную часть денег тёща — у неё, он знал, на книжке была приличная сумма — успела передать любимице — старшей дочери, о которой она беспокоилась много больше, чем о младшей. Наверняка и Наташа была к этому причастна. Но он так устал, что сориться по этому поводу не было сил. Священник негромким голосом запел:

— Блаженны непорочные в путь, ходящие в законе Господни...

Старушечий хор противными голосами подхватил припев:

— Благословен еси, Господи, научи мя оправданием Твоим...

«Что он — всю кафизму решил прочитать», — подумал Михаил.

Он привык: и священники, и алтарники, и поющие обычно бессовестно сокращают чин отпевания, выкидывая всё, что возможно, даже отдельные песни заупокойного канона, к радости предстоящих, которые торопятся скорее зарыть близкого человека и помянуть его водичкой за столом, а тут батюшка не спеша вычитывал всё, положенное по чину. Михаил нащупал в кармане пачку сигарет и пошёл к выходу. Рядом с дверями, почти вжавшись в стену, в чёрной, не по сезону лёгкой куртке, таких же чёрных колготках и ботинках, в чёрной кружевной косынке («тёщина», вспомнил он), с букетом подмёрзших хризантем стояла дочка Саша. Подбородок у неё подрагивал, казалась: девочка сей-

час расплатится или просто убежит. Он обнял дочь, поцеловал в голову и сказал:

— Потерпи, скоро всё кончится.

У входа в храм маялся похожий на кабана муж старшей сестры жены. В храм он не пошёл, сказав, что лучше подышит свежим воздухом.

— Покурить есть? — спросил он и, получив просимое, не поблагодарив, не предложив огоньку, жадно задымил.

Михаил ничуть не удивился такому поведению. Свояк, предприниматель, был высокого о себе мнения, говорил редко и только о делах, то есть о том, что он купил или продал и сколько заработал. И привык вести себя так, будто все ему должны. Хотя Михаил знал от жены, что его бизнес развалился и он весь в долгах как в шелках. Даже квартиру в центре они с женой продали и купили дешёвую на окраине, чтобы хоть как-то рассчитаться по обязательствам. «Небось, и тёщины деньги ему пойдут», — раздражённо подумал мужчина. Впрочем, его больше беспокоила Саша. «Что ребёнка мучить, оставили бы дома, — думал он. — А то ещё простудится по такому холоду». Саша, любовь и боль Михаила, не была его родной дочерью. В годы юности, когда они дружили большой разномастной компанией, Наташа отличалась строгостью нравов, без конца подчёркивала, что до свадьбы она не допустит никакой близости, а потом неожиданно призналась Мише — ждёт ребёнка. От друзей он узнал, что виновником происшествия стал Олег, давно и прочно по-

лучивший в их обществе прозвище «сексуального удава». Парень компанейский, поигрывал на гитаре, всё время шутил, умёл красиво поухаживать и без особого труда, не зная зачем, задурил голову Наташе. А после слинял, перестал появляться, звонить, вообще давать о себе знать. Наташа так просила взять её замуж, что Михаил, давно и безответно в неё влюблённый, не смог отказать. Единственной его просьбой было сохранить тайну рождения ребёнка. И, естественно, Наташа не смогла удержаться, рассказала матери, а та — другой дочери и подружкам. Жене хотелось показать, какой у неё великодушный муж, однако она добилась совершенно противоположного результата. Тёща с подругами и раньше называли зятя дурачком, а теперь происхождение внучки стало предметом постоянных насмешек и шуток. Время от времени они с невинным видом спрашивали, почему давно не приходит Олег, сравнивали его с Мишкой, причём, далеко не в пользу последнего. Компанейский парень, гуляка и пьяница, был им ближе и родней, чем погружённый в науку, культурный и вежливый Михаил. Самое удивительное в этой истории: Саша более всего привязалась к отцу, а от бабушки и даже от матери держалась подчёркнуто обособленно. И уроки она делала только с ним, и гуляла, и мыть себя позволяла только ему, и даже забираясь в постель между родителями — согреться, когда в квартире было особенно холодно, всем телом прижималась к Михаилу и нежно обнимала

его ласковыми ручонками. Тёща из вредности раскрыла внучке тайну её происхождения, но та ещё сильнее прилепилась сердцем к родителю. Тёща злилась и без конца повторяла дочери, чтобы она внимательнее приглядывала за внучкой и зятем, но та пропускала советы матери мимо ушей. За последние несколько лет всех её подруг бросили мужа, найдя более молодых и симпатичных, и теперь её беспокоило только одно: как не остаться одинокой. Она слишком хорошо понимала, что второго шанса в семейной жизни не будет. И взаимная привязанность мужа и дочери, пусть даже выглядевшая в чужих глазах греховной, была основной скрепой, способной сохранить семью. Впрочем, в голову Михаила никакие дурные мысли не приходили. Просто Саша боготворила отца, хоть и не родного, и он в ней души не чаял.

Михаил вернулся в храм. Священник по-прежнему вдохновенно служил последование мертвенное мирских тел. Видно было, что он искренне переживает за загробную судьбу неизвестной ему женщины, лежащей перед ним. Непорочны кончились, священник провозгласил заупокойную ектению, затем седален, начал заупокойный канон. Снова ектения, снова седален, заупокойный кондак, икос. Михаил немного знал богослужение, даже учился когда-то на каких-то богословских курсах, но по домашним обстоятельствам быстро их бросил. Он с удовлетворением отметил, что батюшка всё-таки опускает какие-то

фрагменты панихиды, что все непорочны, он так и не прочитал. «Все мы грешны», — радостно подумал он. Под воздействием слов молитвы злорада на тещу постепенно отошла, её сменили мысли о том, что всё имеет конец, и рано или поздно Михаил будет так же лежать посреди храма безгласно и безобразно. «Дай Бог, чтобы было кому в храм отнести», — подумал он. Теперь ему хотелось, чтобы служба шла бесконечно долго, чтобы, слушая её, можно было забыть обо всех домашних неурядицах. Одна из тётчиных подружек подошла к нему:

— Скажи попу, чтобы закруглялся. А то ехать ещё далеко...

Но Михаил посмотрел на неё так, что она испуганно отошла. А при первых словах зачала из послания апостола Павла к Солунянам, читаемого при отпевании:

— Братие, не хошу вас неведети о умерших, да не скорбите, якоже и прочии не имущии упования... — на глаза Михаила невольно навернулись слёзы.

Однако последнего целования покойной Михаил так и не отдал. Хотя соблазн плюнуть в отверзый гроб, мучивший последние дни, уже прошёл, он боялся произвольно рассмеяться или совершить ещё какой неподходящий поступок, а потому отошёл к окну и сделал вид, что внимательно рассматривает двор. Там священник вручил ему освящённую землю, завернутую в листок с разрешительной молитвой.

— Спасибо, батюшка, вы так проникновенно служили... — священник густо покраснел от смущения.

А Михаил громко и бодро командовал рабочим, утомившимся от ожидания:

— Выноси!

III

Когда автобус вырuling из церковного двора, выглянуло солнце. Снегопад кончился. Ветер утих. Михаил с удовлетворением отметил, что народу ехало немного. Еды и самое главное — питья должно было хватить. Ещё какие-то родственники и соседи собирались прийти прямо к поминальному обеду. «На халяву и укус сладок», — ехидно подумал мужчина. Саша села на первое сиденье, спиной к страшному ящику, обитому красной материей, и всю дорогу не оборачивалась, уткнувшись в тамагочи. «Хорошо ещё, что звук сообразила выключить», — подумал Михаил. Наташа расположилась поодаль, рядом с матерью, и всю дорогу беззвучно плакала, поглаживая время от времени крышку гроба. Солнечная погода и слова недавней службы настроили Михаила на философский лад. Неприязнь к теще, по сути, испортившей двенадцать лет семейной жизни, снова отступила. И ещё до боли сердечной стало жалко жену. Та росла без отца, и мать для неё всегда имела большее значение, чем муж. Когда-то красавица, она теперь поправилась, зачем-то стала красить роскошные тёмные волосы дурацкой каштановой краской, совсем позабыла о косметике, а глаза, в последнее время постоянно опухшие от слёз, покрылись красными жилками. Вены на

ногах так разбухли, что были видны даже сквозь чулки. Да и тёща, по мнению Михаила, стала в какой-то степени жертвою обстоятельств. Всю жизнь она трудилась, не покладая рук, и квартира была получена после многих лет тяжёлой работы, так что мужчина действительно чувствовал себя нахлебником. Тёща давно считала себя старшей в доме, старшей в семье, и это первенство означало одно — постоянную необходимость ругаться для порядка, иначе все распустятся и перестанут слушаться. Теперь, когда все проблемы остались позади, наступило умиротворение, и образ Клеопатры Ивановны из враждебного даже стал чем-то симпатичен. Ведь она была матерью Наташи, которую Михаил любил до сих пор. Кладбище зимним солнечным днём уже не казалось таким голым и неуютным. За ночь поднавалило снега, и теперь места вечного упокоения накрыло белым саваном. Могильщики ещё не кончили работы. В земле было много стальной арматуры, видимо, на этом месте сваливали строительный мусор. Рабочие пиллой-болгаркой вырубали себе пространство для копки, а Михаил, прижав к себе озябшую Сашу, пытался по мере сил защитить её от пронизывающего ветра. Хризантемы окончательно замёрзли и превратились в хрустящие льдинки. А Наташа всё плакала у стоящего на земле гроба. Пока копатели формировали холм, пристраивали на нём венок и цветы, одна из подружек тёщи извлекла из объёмистой сумки бутылку водки, пластмассовые стаканчики и стала

призывать всех по православному обычаю помянуть новопреставленную. Михаил не считал себя глубоко верующим человеком, но подобная тризна шокировала даже его, и он наотрез отказался.

— Не мужик ты, Миша, — только и сказала женщина.

Руки сводило от холода. Мужчина засунул их в карманы и обнаружил там разрешительную грамоту с освящённой землёй, которую он забыл высыпать в гроб. Покойная тёща называла эту бумагу «Подорожной». При её виде Михаил вспомнил о пропавших с тёщиного счёта деньгах, и злоба снова нахлынула на него. Он долго вертел её в руках, а потом скомкал и бросил в снег между могилами. «Ничего, так доедет», усмехнулся он. При выходе с кладбища жена задержалась, рассматривая образцы надгробных памятников.

— Как всё дорого, — вздохнула она.

А Михаил ещё не остывший от внезапно нахлынувшей антипатии, подумал: «Осиновый ей кол вместо монумента». Автобус, освободившийся от страшного груза, уже не пугал Сашу. Она села к отцу, и тотчас же спрятала руки ему под куртку, прижалась всем телом, уткнулась лицом в грудь, пытаясь согреться. Михаил потрогал её лоб, руки, ноги в тонких колготках. Девочка была как льдинка. «Простуда обеспечена», — обречённо подумал он. За окном быстро темнело. Снова пошёл снег. Домá, деревья, заборы сливались в серые тени. И только зимнее небо синело в последних лучах заходящего солнца.

Как обычно, в подъезде Михаил долго отряхивался от снега и вытирал ноги перед входной дверью. На вешалке Михаила снова висело тёщино пальто — видимо, жена вернула одежду как память на место перед отъездом, а он не обратил внимания. Но убирать не было времени, стол уже был накрыт — помогли родственники, брат и его жена. Начался поминальный обед, как обычно, сумбурный и бессмысленный. О покойнице быстро забыли, все одновременно и громко говорили, кто во что горазд, пытаясь перебить друг друга. Кто-то обратил внимание, как плохо выглядит квартира, что давно пора сделать ремонт. «На какие средства», — мысленно усмехнулся Михаил. Одна из тёщиных подруг, та, что угощала водочкой на кладбище, спросила свояка: «Ты деньги-то нашёл для бизнеса своего?» Тот не спеша прожевал салат, положил на тарелку пару ломтиков колбасы, налил рюмку, ответил пару слов по мобильному и только потом, с видом делового и занятого человека, которого оторвали от трудов, произнёс: «А то». Михаил не выдержал и, улучив момент, спросил у жены: «Ты зачем деньги сестре отдала?» — «Ей важнее. У них же дело. Они совсем к другому образу жизни привыкли», — ответила Наташа и заплакала. Тёщины подруги жаловались на возраст и немощи, но при этом строго следили, чтобы их рюмки были наполнены. Михаил едва успевал подносить из холодильника новые бутылки, и уже всерьёз переживал, что спиртного не хватит. Но тут гости дружно встали

и засобирались домой, распахивая по карманам оставшиеся после чая конфеты. Жена брата помогла отнести посуду на кухню и перемыть её. Саша всюю чихала и шмыгала носом, но тоже стала одеваться. Матери она сказала, что не вернётся домой, пока не выкинут бабушкину кровать, которая пугала её теперь, как прежде сама покойница.

— Ложись спать, — сказал Михаил. — Всё будет хорошо, — и в качестве поощрения добавил: — Завтра в школу можешь не ходить.

Он поднял с дивана брата и свояка, они дружно выпили по последней и поволокли кровать к выходу. Спускаясь по лестнице — в лифт постель не вошла, свояк негромко запел:

— Мимо тёщиного дома я спокойно не хожу...

И Михаил с братом дружно подхватили продолжение этой неприличной частушки. Гревшиеся у костра рядом с помойкой какие-то мрачные личности радостно воскликнули:

— Вот и дровишки принесли!

— Жгите на здоровье, — в тон им ответил Михаил.

Когда они вернулись, Наташа уже протёрла пол в углу и, чтобы скрыть зияющую пустоту, поставила туда пару стульев. Саша спала без задних ног, вольготно развалившись в кровати родителей. Михаил испытал неожиданно острый прилив любви и одновременно жалости к этому двенадцатилетнему неуклюжему подростку, аккуратно прикрыл её одеялом и поцеловал в голову. Девочка радостно улыбнулась во сне чему-то

своему. Долгий и трудный день подходил к концу. Но Михаил никак не мог избавиться от ощущения чего-то незавершённого, невыполненного дела, о котором он забыл. Он внимательно осмотрел комнаты, поправил занавески, выключил лишний свет. Наконец, взгляд остановился на вешалке в прихожей. Там сиротливо болталось демисезонное пальто тёщи — она заболела, когда ещё было тепло — и такая же лёгкая шляпка. Мужчина дождался, когда Наташа

пойдёт в ванную готовиться ко сну, тихо снял одежду с вешалки и тихо вышел на лестницу, прикрыв дверь. У мусоропровода он аккуратно свернул пальто в комок и с трудом пропихнул его в дверцу. Такая же судьба постигла и шляпку. Михаил вернулся, тщательно запер дверь и долго мыл руки на кухне. Только теперь он окончательно осознал, что все дела завершены и он может спокойно опочивать.

3/16 декабря 2021 года.

Памяти прп. Саввы Звенигородского